

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

УДК 930:908(470.53)''1914/1917''

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЧЕРДЫНСКОМ КРАЕ: ИСТОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ, ОБУСТРОЙСТВО НА НОВОМ МЕСТЕ, ДАЛЬНЕЙШИЕ СУДЬБЫ

Г. Н. Чагин

В публикации приводятся обширные комментированные фрагменты воспоминаний о судьбах беженцев, оказавшихся в Чердынском крае в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, Чердынь, мемуаристика.

Чердынский уезд Пермского края, как и другие территории Урала, принял немало переселенцев из мест, в которых разворачивались военные действия в связи с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной. В то время в Российской империи лица, которые находились вне страны своей гражданской принадлежности или вне своего обычного местожительства, на бытовом уровне назывались беженцами. Специальное законодательство по поводу беженцев в начале XX в. еще не существовало. Но слово беженцы стало привычным, и оно быстро закрепилось как за иностранцами, так и за внутренними переселенными лицами. И позднее, уже в советские годы, таких людей продолжали называть беженцами.

В 1915 г. беженцев в Чердынский уезд торопились доставить до закрытия навигации. Первая партия «немцев-колонистов» численностью 282 человека прибыла в Чердынь на пароходе 17 сентября. Вторая партия из 150 человек – 116 русских и 34 немцев – 24 сентября. Третья партия в 185 человек, исключительно состоящая из «евреев-выселенцев» – «австрийских подданных, совершенно не владеющих русским языком и состоящая исключительно из стариков, женщин и детей», оказалась в Чердыни 30 сентября. Таким образом, Чердынский уезд в сентябре 1915 г. принял 517 человек. Все без исключения прибывшие в этот район «находились в очень плачевном состоянии – голодные, босые и без всякой теплой одежды» [Волегов, 1915, с. 34–36].

Прибытие беженцев в Чердынь ожидали намного раньше, и уже к августу 1915 г. при Чердынской уездной земской управе был организован уездный комитет для оказания помощи беженцам. В состав комитета вошли сотрудники уездной земской управы, члены городского самоуправления, председатель уездного земского съезда, воинский начальник, уездный исправник, уездный земский агроном, игуменья только что основанного Чердынского женского монастыря Руфина, протоиерей Воскресенского собора Николай Конюхов. Для более продуктивной работы при комитете было создано пять комиссий: врачебно-санитарная, по приему и регистрации, по питанию и снабжению одеждой и обувью, жилищная, школьная и бюро труда. Возглавил комитет председатель Чердынской уездной земской управы А. И. Вотяков. Товарищем председателя был назначен городской голова С. А. Верещагин.

Чтобы распоряжения уездного комитета выполнялись аккуратно и в установленный срок, создавались волостные комитеты помощи беженцам. Их организовывали из местной интеллигенции: учителей, медицинских работников, священнослужителей, земских начальников, представителей местных благотворительных организаций и кооперативных учреждений. Обязательными членами комитетов являлись волостные и сельские лица – старшины и старосты.

Задачи комитета, его вспомогательных органов, а также волостных комитетов формулировались следующим образом: эвакуация беженцев в населенные пункты уезда, предназначенные для их проживания, обеспечение беженцев продовольствием, жилищем, топливом, снабжение теплой одеждой, подыскание работы для заработка, оказание медицинской помощи.

Все постановления комитета регистрировались в особом журнале, копии которых предоставлялись губернатору и губернскому комитету Всероссийского земского совета – высшей организации, на которую правительство возложило все вопросы по обустройству и сохранению беженцев в

российской провинции. Делопроизводство комитета сосредотачивалось в канцелярии Чердынской уездной земской управы, а ведение денежной отчетности – в бухгалтерии этой же управы.

Первые дни беженцы размещались в здании Чердынской ремесленной школы. Здесь было налажено для них питание, кое-кого снабжали теплой одеждой. Часть беженцев оставалась в г. Чердынь, но значительное число их постепенно отправлялось в волости уезда: русские – в с. Покча, немцы в Анисимовскую, Вильгортскую, Искорскую волости. Евреи оставались в городе и содержались на средства комитета и частной благотворительности. При отправке в сельскую местность некоторые беженцы, особенно дети, получали теплую одежду, но большую часть «пришлось отправить в том виде, в каком они прибыли в Чердынь, в виду не имения в распоряжении комитета ни одежды, ни обуви и ни достаточных средств на покупку» [Волегов, 1915].

На оказание помощи беженцам в распоряжение уездного комитета в октябре 1915 г. поступило от губернской управы 5 тыс. Рублей, от частных лиц в виде пожертвований – 860 руб. 02 коп. Из этой суммы к 25 октября было израсходовано на пособия около 2,5 тыс. руб. Деньги выдавались на руки из расчета в месяц 3 руб. на человека старше 5 лет, 1 руб. 50 коп. человеку до 5 лет. Семьи, которые не имели работников, получали на человека без учета возраста по 3 руб. в месяц и еще по 1 руб. 50 коп. на человека для оплаты квартиры, отопления и освещения [Там же].

На этих официальных данных можно было бы и закрыть тему о беженцах, если бы не случай, который привел нас к ее дальнейшему изучению. В 2007 г. в с. Слудка Ильинского района Пермского края в ходе этнографической экспедиции произошла встреча с А. Д. Негановым, 1945 г.р., который назвался нам потомком беженцев, обосновавшихся в годы Первой мировой войны в с. Искор Чердынского района. Он сообщил, что историю предков можно подробно узнать из записок его матери, беженки времен Первой мировой войны. Спустя непродолжительное время в наших руках оказались эти записки. Хотя они составлялись значительно позже описанных событий и принадлежат к разряду воспоминаний, но они содержат много редких сведений, позволяющих увидеть в деталях историю вынужденного переселения людей в военное время, их обустройства на чужбине, проследить последующие судьбы беженцев и их потомков. Нам показалось, что эти записки представляют интерес для исследователей истории Первой мировой войны. Далее предлагаем вниманию читателя комментированные фрагменты этого документа.

Ольга Ивановна Рабе, автор записок, в замужестве Неганова, родилась в Польше в 1910 г. Ее родители – Иван Бодахович и мать Матильда – проживали в д. Гдыщов Холмского уезда Люблинской губернии¹. Они вели крестьянский образ жизни – занимались хлебопашеством, держали корову, гусей, кур, уток, поросенка. Растили четырех дочерей – Ванду, Милю, Лиду, Ольгу и сына Феликса. Ванда и Миля рано начали работать у богатых людей, в семьях которых они вышли замуж. Сестры были красивыми, работящими, а мужья им достались «почти, что уроды... один подслеповатый, другой с искривленным позвоночником» (здесь и далее фрагменты воспоминаний выделены курсивом. – Г. Ч.).

Родительский дом стоял на окраине помещичьего леса, в который часто ходили собирать шишки и сучки на дрова. Мать с сыном ходили в крестьянский лес за 7 верст и приносили оттуда много грибов и ягод. Как только германские войска стали заходить в Польшу, крестьян начали эвакуировать в Россию. Семью Рабе отправили весной 1915 г., а в Чердынский уезд она прибыла в конце сентября 1915 г.

«Когда пришел приказ, все всполошились, плакали, не хотели уезжать с насиженных мест. Да ничего не поделаешь, появились урядники, начали гнать народ. Отец запряг лошадь, уложил на телегу самый необходимый скарб. Гусей, кур, уток выгнали на улицу, корову привязали к телеге. Лиду, меня и Феликса, да еще двоих маленьких сирот, которых страшно было оставлять на голую смерть, и мать взяла с собой, посадили на телегу. Всей деревней двинулись по направлению к Гродно. Корову вначале доили, питались молоком, а когда кормить стало нечем, отец ее зарезал. Мясо раздал соседям, остальное ели сами».

Добралась семья Рабе до г. Кобрин, где пришлось долгое время жить под открытым небом на площади около железнодорожной станции.

«Прошел слух – царица с дочерьми едет осматривать беженцев... Нам сразу выдали хлеб, крупу, одежду, палатки и скрываться от дождей стало легче. Через три дня действительно появились четыре женщины в одежде сестер милосердия. У одной, старшей на груди был прикреплен какой-то орден. Они прошли мимо нашей палатки – мать перекрестилась, подошла к стар-

шей, поцеловала ей руку. Когда они скрылись, к матери подскочил урядник и замахнулся на нее плеткой и заорал:

– Ах ты, оборванка, как ты посмела подойти да еще поцеловать руку, чучело...

Урядник погрозил ей кулаком и отошел. Мы вздохнули легко, и заплакали... Урядник ушел в другую сторону. На утро небо заволочло тучами, все залезли в палатки, ждали дождь. Прошел небольшой дождичек, и стало проясняться. Вдруг один мужчина закричал:

– Самолет германский! Где? Где? Вон за облаками.

Он летел по направлению к нам, к железнодорожной линии. К счастью, он не бросил на людей бомбу, а бросил их на вагоны железной дороги. Одна бомба попала на газон вокзала, разбила урну с цветами».

Из г. Кобрин беженцев начали отправлять только через неделю.

«Поднялась настоящая паника, все бежали к поезду, боясь, что не посадят. С нами ехала двоюродная сестра матери Матильды. Ее семья угадила не в наш вагон и их направили в другую сторону, куда? Так мы и не могли дознаться».

Следующей остановкой беженцев стал г. Тула. Объявили: – Можете искать квартиры, будете здесь жить.

Отец Ольги Ивановны три дня подряд ходил и искал квартиру, но никто не пустил. В поисках квартиры он поехал в пригородные районы. На второй день, как отправился отец, всем беженцам объявили готовиться ехать дальше.

«Нас обуяло горе, мы плачем, мать плачет. Как поедem? Нет отца, не поедem, будем ждать отца». Подошел урядник, приказал ехать: – Отца мы пошлем за вами, не беспокойтесь, поезжайте.

В принудительном порядке посадили на поезд и отправили на восток. Но встретиться жене, детям и отцу не пришлось. Война разлучила отца с семьей навсегда.

Везли долго и куда, никто об этом не сообщал. Ольга Ивановна пишет о необыкновенном случае. Когда поезд остановился против воинского эшелона, причем так, что открытые окна оказались друг перед другом, мать подошла к окну и обратилась к солдатам:

– Очин хочется черной хлип, все дают белой.

Солдаты засмеялись:

– Мы бы с удовольствием ели белый хлеб, а нам его не дают.

Вдруг Феликс соскочил и что-то спрятал под мешком. Прошло немного времени, он показывает буханку черного хлеба. Оказывается, солдаты бросили буханку в вагон. Хлеб разделили на всех и «все его с жадностью съели».

Довезли беженцев до г. Перми. Здесь выдали продукты, одежду. «Какая-то барыня, – запомнилось Ольге Ивановне, – взяла меня за руку, увела в сторону, заставила меня одеть платье, ботинки и дала очень красивое пальто с расписным воротником, которым я очень гордилась».

В Перми посадили на пароход, который беженцы прежде никогда не видели.

«Нам было страшно садиться на него, так и казалось, если побежим, то он перевернется, и мы утонем. Нас, детишек, пассажиры угощали, кто, чем только мог, и я набрала большой узел всякой снеди, вплоть до расписных тульских пряников. Так же давали одежду. Подошла к нам разнаряженная барыня, взяла меня на руки, полюбила и говорит маме:

– Отдай мне эту девочку, я ее выращу, выучу, и она будет писать тебе письма.

Подошел капитан и тоже просит:

– Куда тебе столько детей, не воспитаешь, отдай.

Мама меня спрашивает: – Пойдешь, Оля, к этой бароне?

Я заплакала – нет. Так они от нас ушли ни с чем. Маме дали один рубль на гостинцы детям. Мать поцеловала барыне руки».

На пароходе добрались до г. Чердыни, где пришлось задержаться на трое суток. Жены купцов, земских и городских служащих снабдили беженцев теплой одеждой. Местом постоянного пребывания семье Рабе стало одно из древних сел Чердынского края – Искор.

«Нашу семью поставили к Романовым, у которых была девочка Маня, хозяин, хозяйка и дед Роман. Хозяева принесли еду – вареную картошку в мундире-скорлупе, соленые грибы. Мы, малыши, не разбирали, ели все, что подавали, а мать не могла есть грибы... Потом государство установило нам пенсию по 3 рубля в месяц на ребенка и мать начала готовить пищу сама...»

С первых дней пребывания в с. Искор беженцы почувствовали доброжелательное отношение местных жителей.

«Народ искорский был хороший, к нам, как иноверцам, относились хорошо. Мать их уважала, ходила работать на поденицину, то есть на день, а они платили ей кто, чем мог – молоком, творогом, картофелем, хлебом, также деньгами».

По прибытию, беженцы обратили внимание на многие особенности занятий и быта жителей с. Искор. Например, они увидели, что картофель выращивали, но не окучивали, поэтому получали низкий урожай. От нас, как пишет Ольга Ивановна, *«впервые искорские граждане увидели, как нужно окучивать картошку».*

«В воскресные дни все беженцы собирались у какой-нибудь одной семьи беженцев и пели песни. Народ собирался и слушал, как поют беженцы – видимо нравилось, потому что прибегали многие, не только соседи, но и из нижнего конца. Мы жили в верхнем конце села, где речка Искорка брала начало».

В воспоминаниях Ольга Ивановна с подробностью, характерной для нее, описала впечатления о с. Искор.

«Село было населено по образцу в виде креста – Верхний конец, Нижний конец, Гора, Подгора, посередине села речка Искорка. В центре выстроена красивая церковь, перед церковью построен большой трехэтажный каменный дом, где жили купцы Пешихоновы. Сам старик Пешихонов умер и схоронен в церковной ограде. Торговлей и хозяйством занимались его сыновья. За домом был расположен огород, рядом с огородом красивый сад, состоящий из пород деревьев уральской фауны... с восточной стороны, рядом с домом тянулись пешихоновские поля, с запада тянулись поля, принадлежащие попам, псаломщикам, а за чудским могильником тянулись поля крестьян середняков. Самые отдаленные поля – постные – принадлежали беднякам, у которых не было лошади, плуга, бороны».

С самого начала жизнь на новом месте не выглядела спокойной и благополучной, порой она казалась полной безнадежности. Вскоре пришли болезни, и как их следствие – смерть близких людей.

«Жили мы, как бродячие цыгане три года, переезжая с квартиры на квартиру. И вот случилась беда, когда сестры перетаскивали свой скарб на санках на другую квартиру, они простывали, да и пища была плохая. Климат очень был суровый: снег, бураны, выюги, метели, сорокоградусные морозы. Все это сказалось на здоровье нашей семьи, и начали болеть мои сестры. Умерла Людмила. Мать пошла к священнику отцу Якову спрашивать:

– Как ее схоронить?

Отпевать он ее отказался и дал разрешение хоронить ее за кладбищем, но ни в коем случае не на кладбище, так как она иноверка. Выбрали место на южную сторону, где росли красивые кудрявые сосны. И стало называться “беженское кладбище”. Потом это кладбище стало быстро разрастаться. Умерли сестры, их мужья и дети сироты: Фернанд и Матильда. Остались мать, я, сестра Лида и брат Феликс...»

Мать понимала, что выжить в новых условиях можно было только своим трудом. Не имея собственного дома и опыта ведения хозяйства в новых природных условиях, оставалось одно – батрачество, наем к состоятельным людям села. Благо, что таковые были, и они нуждались в помощи.

«Мать с братом ежедневно стали ходить на поденицину. Сестра Лида нанялась к отцу Якову в домработницы. Я сидела дома, управлялась по хозяйству и ждала маму с Феликсом домой с работы. Жили мы тогда у Симковых во флигеле. Соседские девочки прибегали ко мне поиграть, и я часто ходила к ним. Они надо мной подсмеивались, когда не правильно говорила русские слова. Ну и я от них здорово научилась окать особому, северному выговору».

В воспоминаниях есть сюжеты о начале учебы Ольги в школе и ее переживаниях, вызванных отношениями к ней подружек.

«Когда наступила пора учиться, пришла летом учительница Надежда Ильинична, записала меня в школу. Брат зимами уже ходил учиться. Наступило 1 сентября [1917 г.], брат привел меня в школу. Учительница Надежда Ильинична посадила меня на двухместную парту рядом с Симковой Агнушей, с которой мы часть ссорились. Она задирала, а я не спускала – хороши обе подружки. Стала я овладевать правильной русской речью, ежегодно переходила из класса в класс. Моя подружка Агнуша в каком-то классе осталась на второй год. Я стала сидеть с Маней, которая

оказалась хорошей девочкой, и она часто мне объясняла непонятное. Я ее очень уважала, рассказывала ей, как меня Агнюша часто сталкивала с парты во время урока, говорила: у, беженка. Хорошо, что была хорошая учительница, и меня никогда не ругала, видимо замечала, что Агнюша меня обижала».

По окончанию четвертого класса пришлось зарабатывать на жизнь и Ольге.

«Соседка Агафья наняла на лето, до Богородицына дня², который бывает осенью, жить в няньки».

Девочке, которой исполнилось лишь 11 лет, выпала нелегкая работа, о которой она рассказала в своих записках достаточно подробно.

«И вот я маленькая девочка вела все хозяйство: убирала квартиру, загоняла скот, доила корову, по субботам топила баню и одновременно нянчилась с ребенком. Когда девочка спала, сидя у люльки, я должна еще была вязать кружева к полотенцу, к юбке, к простыни для маленькой, которая когда-то будет невестой и ей понадобится. Жила я свой срок за холщовое платье и за ситцевое, за полтора пуда муки, ботинки и 10 рублей деньгами. Из себя выжимала все силы, ночью спала как убитая. Хозяйка уходила с мужем на сенокос, жнитво, уборку льна и другие работы. Кроме того, в воскресные дни работала в огороде по уборке сорняков с гряд. Я убирала траву, хозяйка окучивала картошку. Накануне окончания моего срока хозяйка пекла пирог мясной или начиненный капустой или морковью. И я с пирогом в Богородицын день уходила домой, а мать на следующий день приносила расчет».

На поденную работу Ольга устраивалась каждое лето, к разным людям, до тех пор, пока не окончила 7-й класс.

«Нанималась служить за ту же цену: ботинки, полтора пуда муки, два платья – холщовое и ситцевое, 10 рублей деньгами. На тот же срок, с весны до праздника святой Богородицы... вставала в 5 часов утра, ложилась около 12 часов ночи».

Школьное детство Ольги Ивановны совпало с большими изменениями в жизни страны и села, к которым она не осталась равнодушной. Многие из них она запечатлела в своих записках. Детские впечатления и оценки представляют особый интерес.

«Среди крестьян стали ходить слухи, что убрали царя. Кулаки и середняки стали собираться около лавки Ванчика Малых и спорить между собой, да и так спорили, что чуть не дрались. Проездом в с. Корепино у лавочки Ванчика остановился безногий солдат, звали его Семен. Среднего роста, русый, с пыльными седыми волосами, в зеленых брюках, солдатской шинели, лицо в веснушках. Я стояла в сторонке и слушала солдата, как он рассказывал мужикам. Семен рассказал, что сейчас по всей России бастуют рабочие, крестьяне отбирают землю у помещиков. Временное правительство стягивает к Петрограду казачьи части, чтобы заставить народ подчиняться и задушить революцию. Я мало что поняла. Прибежала домой:

– Мама, царя убили.

– Что ты дура говоришь.

– Верно, его убрали, я слышала у Ванчика, солдат рассказывал.

– Наверно, будут обыски делать, а у нас картина царской семьи на крышке ящика висит.

Мама говорит:

– Да што они у нас будут искать?

С картиной было жалко расставаться, уж очень она была красочная. Но все-таки мама ее убрала. Сначала хранила в узле под лавкой, потом, когда убедилась, что может быть правдой, – сожгла».

Еще одним ярким событием, запечатленным Ольгой Ивановной, стал отъезд наследников дома купцов и баржестроителей Пешехоновых.

«В один из воскресных дней на трех тройках уехали Пешехоновы. Повозка, в которой сидела Елена Ивановна, остановилась, и она начала прощаться с народом. Мать подошла к ней, простилась. Даже прослезилась:

– Большие не у кого будет мыть полы, стирать белье. Ведь она нам очень помогала. Мать работала у них находом, за домработницу. Она давала мне поношенную одежду, так как у нее была дочка в моем возрасте, и в праздники я была всегда нарядно одета, подружки мне завидовали».

О власти белых и красных в с. Искоре Ольга Ивановна почти не разбиралась, но в своих записках об этом отметила, поскольку понимала, что это какое-то важное событие.

«В село стали наезжать незнакомые солдаты. Приехали ночью, взяли старосту. В селе стало безвластие. Мужики пешехоновскую землю разделили между собой. Поделили и сенокосные угодья. Все лето в волости сидела комиссия по расследованию дела о самовольном захвате Пешехоновских земель. Велели отдать, но крестьяне сопротивлялись.

– Все равно будет красная власть, земля будет нашей.

– Мы вас всех посадим.

– Всю красную власть не посадите.

И действительно не посадили.

Старого председателя [волостной] земской управы, начальника милиции и богатых людей, к радости крестьян, посадили.

В ноябре месяце собрали сход и выбрали нового председателя, да народу разъяснили, что он не староста обманщик, а честный красный председатель. Организовали сельский совет, который состоял из председателя, секретаря и сторожа старого мужика Ионы. Установилось поочередное дежурство в совете крестьян с лошадьми на случай, если нужно куда-нибудь ехать. А ездить приходилось ежедневно, то увезти уполномоченного, то председателя, то секретаря, и другие были поездки.

Часто бывало нас с Феликсом нанимали крестьяне дежурить за себя. И вот однажды случай. Мне вручили много повесток, чтобы я их разнесла по домам. Работы мне хватило надолго. В это время приехал уполномоченный солдат. Нужно кого-то послать за подводой. Я прихожу, председатель набросился на меня:

– Где шлялась долго? Я тебе покажу.

Снимает ремень и хочет меня выпороть. Я заплакала.

– Некоторых дома не было, я ждала их, когда придут.

Солдат соскочил, набросился на председателя.

– Я тебе покажу, белая шкура, бить ребенка.

В душе я была очень рада, что за меня заступились, то только слушала одну ругань. И впрямь видно, что красная власть, хорошая власть, подумала я».

Ольга Ивановна не могла забыть впечатление, вызванное участием в праздновании первой годовщины Октябрьской революции.

«Однажды учительница Надежда Ильинична говорит:

– Ребята, завтра оденьтесь почище и прикрепите к груди красные бантики. Я пришла домой:

– Мама, велели красные бантики к груди прицепить, где взять, у нас нет.

– Сходи к просфирням³, может что-нибудь дадут.

Дали ленточку. Я устроила бантик и пришла в школу. После первого урока нас выстроили у школы. Вышли все учителя, и пошли по селу с песнями. К демонстрации примкнуло взрослое население, и пошли с лозунгами, с портретом Ленина, с песнями. Учителя пели «Марсельезу», «Смело, товарищи, в ногу» и др. Я эти песни не знала, тянула мотив. Крестьяне пели «Вниз по Волге-реке». Было радостно, светло. Кричали лозунги:

– Долой царя! Да здравствует свобода!

Я не понимала, что все это значит. Потом в школе организовали горячие завтраки. Кормили нас супом и в праздничные дни картофельными шаньгами».

Как уже случалось не раз, Ольга вызывала симпатии окружающих людей и ее хотели взять на воспитание чужие люди. В этот раз – учительница Искорской школы Анна Васильевна Копытова⁴.

«Анна Васильевна почему-то меня все время приглашала:

– Приходи стряпать.

Я было рада, что меня приглашают всегда, приходила помогать.

Анна Васильевна пекла большую шаньгу.

– Эту шаньжку завтра я отдам, Оля, тебе, приходи.

Я улыбалась, была рада.

Детей у нее не было, и она меня любила, как родную дочь. Часто говорила:

– Иди, Оля, ко мне жить. Я тебя воспитаю, ты будешь грамотным, хорошим человеком.

Я молчала, как будто не слышала. Почему-то я очень боялась ее мужа, учителя Ивана Максимова. У него не было одного глаза, и он выглядел злым. Конечно, он был не злой, но я его боя-

лась».

Вместе с жителями с. Искор семья Рабе стала свидетелем сражения красных и белых, наступавших в ноябре 1919 г. из Печорского края на Чердынь. Документальные свидетельства об этом сражении сохранились разные, но записи, составленные от лица наблюдателей, только одни – Ольги Ивановны.

«Был ясный воскресный солнечный день [27 ноября 1919 г.]. Деревья стояли белые, покрытые снежным инеем. Термометр показывал 29 градусов. С юго-востока дул тихий ветер. Я повестки на извоз разнесла вечером и утром спокойно спала. Проснулась от шума на улице.

Брат стоит, одевается, а мамы нет, она выскочила на улицу. Я оделась и тоже выбежала на улицу. Вся большая площадь перед домом и церковью была переполнена народом. Даже улицы Верхняя, Нижняя и Подгорка были переполнены народом. Мать забежала и сказала:

– Оденьтесь, приготовьтесь, может быть придется бежать в лес.

Потом слышим, кто-то к нам в подвал стучит. Мать вышла, видит соседа Илью, который прибежал с ребенком, мальчиком Ваней:

– Пустите, здесь, может быть, не убьют, так как стены толстые, может бог спасет.

Вдруг слышим страшный грохот.

– Это бьют пушки, – говорит Илья, – Нам страшно, но мы не плачем.

Мать выскочила на улицу и долго не приходила. Потом слышим, она кричит:

– Откройте!

Феликс двери раскрыл. Видим, мать тащит женщину. Уложила ее на пол. Стоит, плачет, мы ничего не поймем. Смотрим на женщину, узнать не можем. Мама думает, что у нее припадок от испуга. Мама трясет ее, потом подняла. Под ней на полу оказалась кровь. Поняли, что она мертвая. Илья говорит:

– Да ведь это Мария, которая живет у ключика.

Забежал солдат, смотрит, как мы испугались:

– Не бойтесь! Война кончилась!

Выбежал на улицу, мы за ним. Видим полно народу, лошадей, раненых, везут пулеметы. Раненые бегут к подводам. Кто держит руку, кто подбородок, кто волокет ногу, кто держит поясницу – кричат, ругаются. На подводы грузят раненых. Кто может, строятся в ряды.

Войско ускало по направлению к Чердыни. Наверно нас убьют, вот появятся белые, но никого нет. Выяснилось, что с белыми воевали дружинники, которые были организованы в Чердыни, и они держали бой с белыми. Белые скрылись по направлению Ныроба. Ходили слухи, что они ускорили по направлению Архангельска.

Мать сбегала к родителям Марии. Сообщила, что подобрала ее, и она лежит у нас. Родители Марии очень благодарили маму за то, что она не побоялась утащить Марию. Илья говорит:

– Пойду спасать Александру Ильиничну. То нагонят белые и могут ее увезти с собой, а еще страшнее, если убьют.

Это была учительница нашей Искорской школы, преподавала русский язык.

Суматоха чуть-чуть улеглась. Мы кое-как наспех поели и побежали смотреть поле брани. Народу там уже было много... Поле брани было расположено за перелеском, вдоль тракта, где находились поля. За полями до с. Ныроба тянулся густой дремучий лес. Дружинники видимо были осведомлены о появлении белых, и они заняли удобную позицию в перелеске. Недалеко перед перелеском, за селом на горе находилась наша школа, которая крепко пострадала от боя: была разрушена вся изгородь, разбиты ворота, окна на северную сторону все были изрешетены пулями.

Поля, где шел бой, были огорожены огородом из жердей. К зиме крестьяне расставляли щиты, которыми производили снегозадержание. Снежная щитовая изгородь тянулась от перелеска до густого леса километра два с половиной. В длину все поле было усеяно трупами убитых и раненых белых и красных. Белых было больше, красных меньше.

Некоторые раненые находились еще в живом состоянии, произносили стоны, ругали царя, кляли Колчака, некоторые кричали маму. У одного бойца была оторвана нога и рука, он очень долго жил, даже перелез через огород и все ругал богатея Алина. Конечно, если бы оказать им необходимую медицинскую помощь, может быть, некоторые из них бы выжили, а то они умирали от холода и ран.

Мать, которую крестьяне звали Матреной, обошла поле брани. И вот вблизи перелеска,

около елочки услышала стон, кто-то звал на помощь. Я шла с ней рядом, и мы приблизились. Я увидела раненого красного бойца, который был ранен в ногу и не мог двигаться. Матрена сняла с себя шубу и накрыла ею раненого. Позвала Феликса, и они его вынесли на дорогу. Я бегом побежала домой, притащила санки, и мы его притащили домой. Он был очень слаб, ничего не говорил, только все стонал. Мать промыла ему рану, забинтовала простыней, напоила горячим чаем, уложила его за печку и укрыла периной. Он заснул.

На следующий день он проснулся. Матрена его накормила, и спрашивает, кто он такой? Как его спасти? Он понял, что возле него не предатели, а друзья, и пал в беспамятство. Проспал сутки. Мы плачем, не знаем, что делать, куда его девать. Сказать народу боимся, что спасли раненого. Боимся, а что если придут белые, маму расстреляют. В сельсовете никого нет. Где председатель – не знаем. Иона тоже в сельсовет не показывается. Медицинской помощи в селе нет. Что делать?...

Наконец мать решилась, пошла к Юлие Дмитриевне и все рассказала. Несмотря на то, что та была из богатых, она откликнулась и оказала содействие. Матрена подготовила бойца, подвезла лошадь, и его направили в Чердынь. Боец был очень рад и благодарен нам, не знал чем отблагодарить. Матери он несколько раз целовал руки, а нам с Феликсом дал силой, хотя мы и не брали, кусочек сахару.

– Век вас милые не забуду.

Прошло года три или четыре. Когда я приезжала домой на каникулы, мать рассказывала, что боец, которого мы спасли, ехал с бойцами на Троицко-Печорск и забегал к ней, благодарил, дал гостинцы – сахару, хлеба, крупы. Здоровье его поправилось...»

В 1924 г. Ольга окончила Искорскую семилетнюю школу и поступила в Чердынский педагогический техникум. Жила в Чердыни на частной квартире, домой, в с. Искор, часто ходила пешком, преодолевая путь в один конец в 40 км.

Одновременно с Ольгой в техникуме из с. Искора учились дети священника Якова – сын Александр и дочери Лида и Валя. Взаимоотношения с ними у Ольги складывались непростые, хотя они были знакомы давно. Об этом также Ольга Ивановна рассказала в своих записках.

«Александр, сын попа, учился тоже в этом техникуме, только я поступила на первый курс, а он учился уже на четвертом курсе. В перемену с товарищами подходит ко мне:

– Смотрите, эта девочка Ольга беженка. Она не русская, а хочет быть русской учительницей.

Все смеются, а я готова провалиться сквозь пол. Думала, будут травить, и старалась никогда не попадать поповскому сынку на встречу.

Весной он получил аттестат, и вся семья их уехала из Нырбского района. Наверно, туда, где их никто не знал. Валя, его сестра, окончила техникум тоже через год, так как училась на третьем курсе. Тоже уехала из пределов Нырбского района. В семье появилось два советских учителя.

Лида, младшая дочь [отца Якова], которая училась со мной в семилетке в одном классе, дружила со мной, потому что моя сестра Лида жила у них домработницей. Я приходила к сестре, играла с Лидой, дочерью попа, вроде были подружки. А когда они уезжали из Искора, я пришла их проводить, распрощаться с подружкой. Но она даже не вышла ко мне.

Вышла попадья.

– Вот, Оля, ты будешь учительницей, а моя Лида останется батрачкой. Ее ведь ни в какое учебное заведение не принимают. Вот она и не хочет видеть тебя.

Я очень раскаивалась:

– Зачем мне понадобилось прийти их провожать?

По простоте своей душевной мне казалось, что девочки моих лет все одинаковы. Не учла, что я батрачка, а они служители бога, и он, отец Яков, проповедует равенство людей перед богом».

В одни из каникул, когда Ольга Ивановна находилась в с. Искор, жители готовились к выборам сельских депутатов и на собрании актива села ее избрали председателем избирательной комиссии. Здесь ей тоже пришлось столкнуться со случаем, который отражает особенности времени.

«Представитель райисполкома тов. Собянин нам разъяснил права и обязанности каждого члена сельской избирательной комиссии и кто может быть по положению выбран и кто имеет

право избирать. Стали просматривать списки избирателей и попался нам гр-н Горшков, сын зажиточного крестьянина д. Большое Поле. Он в годы становления советской власти организовал парней. У них были припасены большие редьки, которые вырвали с гряд. Вызвали на улицу активиста, недалеко живущего от школы. Тот открыл ворота. Они его вытащили, и давай редьками бить. Избили до полусмерти. Сами, смеясь, ушли. Все члены избирательной комиссии единогласно постановили Горшкова за эти кулацкие выходки лишить права голоса на один год. Горшков узнал, что лишен права голоса. С винтовкой в руках прибежал в дом, где я жила с мамой. Обыскал чердак, перерыл сено на сеновале, зашел в хлев. К счастью, меня не нашел. Люди сбегали в исполком, все рассказали председателю. Горшкова вызвали в сельсовет».

По окончании в 1930 г. Чердынского педагогического техникума Ольга Ивановна возвратилась в с. Искор, ставшее ей уже родным и близким. Вместе с братом Феликсом она активно участвует во всех общественных мероприятиях. По ее запискам видно, что Ольга Ивановна не только имела желание быть проводником новых идей и планов, но и правильно разбиралась в событиях времени. Неоднократно слушала уполномоченных райкомов партии и комсомола о создании колхозов и сразу включалась в эту работу. В колхозе ей пришлось поработать счетоводом.

«Все будут сообща, совместно обрабатывать землю. Получивший доход от хозяйства и урожая – все будет подведено под единый доходный баланс, и все доходы будут распределяться по количеству заработанных трудодней... Собрание длилось долго. Обсуждали бурные вопросы:

– Как будет с теми, у которых большие семьи?

– Придется ли работать больше тем, у кого нет детей?

Комсомольцы были распределены по деревням для разъяснения о коллективизации. Сходы граждан собирались почти каждый день или через день. Если был плохой агитатор, то народ его забивал, особенно богачи.

Бывало, приезжали грамотные агитаторы, они начинали издалека. Как образовалось Киевское княжество, как шло развитие крестьянства. Как постепенно пошло закрепощение, как пошли волнения, восстание Пугачева. Как живет в настоящее время народ, какая разница в ведении хозяйства между зажиточным крестьянством и беднейшим крестьянством. Беднейшие крестьянства организовались в комитеты бедноты, они сразу и войдут в коллективное хозяйство, а остальные единоличные хозяйства должны примкнуть к комбедовцам и образовать колхоз... Богачи агитировали против:

– К добру не приведет.

– Разве может быть все общее – лошади и плуги?

Некоторые вступали в колхоз, и под влиянием кулацкой агитации выходили из него».

Районный отдел образования направил Ольгу Ивановну работать в Больше-Польскую начальную школу, но вскоре перевел в Искорскую семилетнюю школу и поручил развернуть пионерское движение. Об этой работе в воспоминаниях Ольги Ивановны есть такие примеры.

«Секретарь райкома комсомола собрал собрание комсомольцев, объяснил, кто такие пионеры и как они должны работать. Выбрали меня вожаком отряда. Работу пионеров никто не знает. Ничего у нас нет, ни знамени, ни горна, ни барабана. Галстуков и тех нет. Красного материала нигде нет. Сшить не из чего. Школа купила белый материал, сшили галстуки наподобие матросского галстука. Сзади треугольник, спереди два конца и завязали наподобие галстука. В школе у технички нашли красную краску. Вскипятили воду, развели краску, добавили соли и выкрасили галстуки. Собрали пионерский сбор. Выдали всем галстуки и пионеры начали отличаться от учащих-ся... Сколько же мы тогда спорили, вожаком первых пионерских отрядов...

Совместно со школой подготовили концерт, выручили деньги, отдали их в школьный совет. Ходили в лес за грибами. Собрали их в большом количестве. Матери пионеров их сушили. Мы их отправляли в Чердынь для поддержания голодающих. <...>

Лето стояло жаркое. Рожь стала осыпаться. Были еще не убраны яровые. Председатель артели обратился к нам, пионерам, чтобы мы помогли. Я собрала пионеров, объяснила им положение, и на следующий день всем отрядом пошли на поля.

Рожь, пшеницу, ячмень, овес жали в то время серпами, вязали в снопы, ставили в суслоны. Рожь по девять снопов в суслон, и сверху накрывали еще снопом. Пшеницу складывали так же, как рожь. Ячмень, овес по шесть снопов в суслон, шестой – крыша. Кто умел жать, взяли серпы и начали жать, а кто не умел, они подносили снопы. Артельщики затянули песни, мы подпевали. Ра-

бота двигалась быстро и споро.

Вместе со жницами жала и я, не отставая от них. Мои снопы были не хуже других. Вязку устроила для снопа не так-то просто. Связать сноп – искусство. Не умеючи – сдерешь ногти. Ребята подносили снопы, Иван ставил в суслоны. Ребята начали отставать, я подбежала.

– А ну, ребята, бери сноп по силам и тащи в кучу.

Вот было весело – бежать в обнимку с душистым, тяжелым снопом, который пышет жаром и щекочет тебе лицо и шею, тащить к назначенному месту, вперегонки. И мне было так хорошо, что я готова была плясать.

Появилась небольшая черная туча, и пролился озорной косой дождичек. Все наши суслончики стояли, как солдатики в крепости, а мы залезли под их защиту.

Как это замечательно – сидеть под снопом, скрываясь от грозового дождя, прижавшись друг к другу. Пробежала, прогремела тучка, заиграла радуга, заблестели дождевые капли на жниве. И мы выбираемся из-под суслонов сухими и невредимыми.

В обед вместе со всеми уселись мы на снопы полдничать. Артельщики принесли с собой кувшины с квасом. Замечательная, вкусная нам показалась еда – толокно с квасом, с размоченными репными и брюквенными паренками. Чудо, как вкусна эта еда после дружной работы в тени душистых суслонов.

Подошел председатель, стирая полт кулаком, говорит:

– Вот, ребята, так дружно, вот так-то и будете работать при коммунизме, дружно, с песней.

Преимущество артельного труда было нам особенно наглядно потому, что рядом жали одиночники. Они жали серпами, почти не разгибая спины, ползли медленно по своим полосам. Особенно трудно было Егорихе, она ползла по своей полосе как улитка, на коленях. <...>

Собрала я совет отряда, где решили вопрос, как и когда собраться на экскурсию в Красновишерск. Бурное обсуждение закончилось тем, что мы решили в следующее же воскресенье выехать в Красновишерск всем отрядом сроком на пять дней. Пожить на природе, покупаться, порыбачить.

Готовились не долго. В чудесное утро готовый отряд к походу выстроился предо мной на линейку. В руках у ребят котомки, матери им собрали еду, положили полотенца, мыло. Я смотрю в счастливые лица ребят, и грудь мою распирает от радости. Но не только от предвкушения желанного похода, а больше от того, что вот сейчас мы всем отрядом дружно совершим поход, и сдружимся еще более.

– Готовы ли вы ребята? – Спросил Зосима Иванович Парахин, который поехал с нами от учителей школы.

В 5 часов утра мы отрядом человек 40 отправились пешком. Котомки наши на своей лошади вез сам учитель Зосима Иванович. Более слабых и маленьких садил по очереди на телегу. Добрались мы до Красновишерска целые сутки. Вблизи селения устроили привал. Осталось 10 километров, мы решили пройти их завтра утром.

Под вечер вода в реке оказалась теплой и мы все с радостью помылись, покупались, поели, отдохнули. Мы развели костер нодью, положили три бревна друг на друга. Костер разгорелся ярким, большим пламенем. Все мы уселись вокруг костра погреться да и отбить от себя комаров. Подвесили на таган чайник. Через полчаса вскипает, завариваем сухой морковью. Чай получился ароматный.

К 9 часам утра добрались до завода. Он построен на берегу Вишеры. Тротуаров нет, куда ни ступни, повсюду желтый песок. Завод продукцию еще не выпускал. Зосима Иванович объяснил, что строить бумажный завод здесь выгодно, так как на сотни верст густой дремучий лес, который явится прекрасным сырьем для бумаги.

Вечером сходили в театр. Большое деревянное здание барачного типа. Смотрели постановку. На отдых нас устроили в красный уголок общежития. Прожили в Красновишерске три дня. Посмотрели все достопримечательности. Сходили в кино.

Потом Зосима Иванович придумал сводить нас на Колчимский камень. Добрались до него долго. Котомки и лошадь оставили у основания горы. Около лошади оставили дежурного. Зосима Иванович нам много рассказал про камень и р. Колчим, которая с него стекает.

Через пять дней вернулись в Искор. Пока отсутствовали, школа поставила спектакль. Вы-

делили для отряда деньги, мы их перевели в райком комсомола. Вскоре нам послали знамя, горн, барабан. <...>

Было очень интересно, как мы летом, в воскресный день устроили экскурсию на Заимку. Собрались всем отрядом, идем под звуки барабана, поем песни. Лица у всех сияют радостью. Все счастливые. Подошли к Заимке, выбрали около реки большую, покрытую травой и цветами поляну, окруженную со всех сторон мелкими березками. Расположились, Сеня развел костер. Ваня принес полное ведро воды, подвесили на таган, который устроил Сережа.

– А ну, ребята, кто за грибами? Сварим грибницу.

Девочки побежали за грибами, которых в березничке оказалось много. Я взяла ножик и стала чистить картошку. Маня подала мне стакан сметаны. Девочки уже подтащили грибы. И получилась отменная грибница.

– Ребята, готово!

Горнист созывает ребят. Палочки в руках горниста под маршевую песенку заиграли:

А ну, живей, а ну живей,

Собирайся поскорей!

Бери ложку, бери чашку,

Подставляй, получишь кашку.

Красный гриб – боровой,

Молодой, удалой!

– Эй, ребята, чайку бы попить с сахаром, его раньше у нас было много. Отец у Нагорских работал, ему давали расчет. Так он покупал пять фунтов сахара. Все напились досыта чаю.

– Потерпите немножко ребята. Скоро заработают фабрики, в силу войдет советская власть, будет нам не только сахар...»

На этом можно остановиться. Как видим, этот интереснейший документ еще ждет своих исследователей и интерпретаторов. Юная Ольга могла бы затеряться на чужбине, но этого не произошло, она находила в каждом времени свое место. В самом первом приближении очевидно, что О. И. Рабе удалось запечатлеть те стороны истории нашего общества, которые не отразились в других документах и свидетельствах.

Публикации и комментарии Г. Н. Чагина

Примечания

¹ Люблинская губерния являлась той частью Польши, которая в 1815 г. на Венском конгрессе была присоединена к Российской империи.

² Богородицын день, он же Рождество Богородицы, приходится на 8, по новому стилю на 21 сентября.

³ От слова «просфорница» – церковнослужительница, которая пекла просфоры – богослужебный литургический хлеб, употребляемый для таинства Евхаристии.

⁴ А. В. Копытова (1888–1965) начинала свою педагогическую работу в церковно-приходских школах Чердынского уезда, а в советские годы почти 40 лет трудилась в Искорской семилетней школе. Кроме того, она вела большую общественную работу, являясь депутатом районного и сельского советов, председателем избирательных комиссий.

Библиографический список

Волегов А. Беженцы в Чердыни // Пермская земская неделя. 1915. № 47.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2010